Петр Будрин (Торонто)

«Сентиментальное путешествие» Л. Стерна в советских переводах 1930-х гг.

Наивысший период популярности сочинений Лоренса Стерна в Европе и России — конец XVIII — начало XIX в. В России в это время Стерна читали в основном по-французски и по-немецки, а также переводили, но русский язык этих тяжеловесных переводов не передавал многие детали и стилевые особенности английского подлинника. Впрочем, и европейские переводчики не ставили перед собой цели максимально приблизиться к подлиннику. По поводу многократно переиздававшихся во Франции переводов Жозефа-Пьера Френэ американская исследовательница Сьюзан Пикфорд пишет, что это был типичный перевод того времени: *belle mais infidèle* («красиво, но неверно») [Pickford 2007: 54]. Френэ даже гордился тем, что некоторые шутки Стерна он заменил своими, гораздо, по его мнению, более удачными и, главное, не обидными для французов.

В. Б. Шкловский, которому после Н. М. Карамзина принадлежала честь стать главным русским стернианцем в XX в., не знал иностранных языков и делал свои филологические открытия по весьма приблизительным дореволюционным переводам. Так, из библиотеки М. Горького Шкловский позаимствовал изданный в 1892 г. журналом «Пантеон литературы» тяжеловесный и неточный перевод романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», автором которого был человек, скрывшийся за инициалами «И. М.».

Если во времена Карамзина читатели Стерна учились у него главным образом «правильно чувствовать», то формалист Шкловский использовал сочинения английского автора в качестве учебного пособия для нового метода в литературоведении.

Первое советское издание «Сентиментального путешествия» Стерна вышло в Петрограде в издательстве «Всемирная литература» в 1922 г. Можно было бы предположить, что выход этой книги был связан с интересом к Стерну, возросшим благодаря популярности статей и публичных

выступлений Шкловского. Но в действительности в первом же плане этого издательства, выпущенном в 1919 г., в обширном списке подлежавших переводу классиков среди сочинений нескольких десятков английских авторов XVIII в. представлены оба романа Стерна (и «Сентиментальное путешествие», и «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»).

Автором предисловия и редактором вышедшего в 1922 г. «Сентиментального путешествия» [см.: Стерн 1922] был П. К. Губер, вскоре ставший знаменитым благодаря исследованию «Донжуанский список Пушкина» (1923). Губер был одним из постоянных сотрудников «Всемирной литературы», куда он устроился на работу при поддержке Горького. Однако первое советское издание «Сентиментального путешествия» вышло в дореволюционном переводе, выполненном в 1880-е гг. драматургом и театральным критиком Д. В. Аверкиевым для серии «Дешевая библиотека» (издательство Суворина). Переводя Стерна, Аверкиев пользовался не только английским, но и французским изданием, повторив многие искажения. Роман Стерна стал 59 выпуском «Основной серии» «Всемирной литературы». Всего в этой серии вышло 72 книги [см.: Немировский, Харламов 1983: 220].

Во вступительной статье Губера слышны отголоски многочисленных предисловий к французским изданиям Стерна. После короткого биографического очерка следует несколько общих замечаний о таланте английского писателя, в частности: «Большой роман о Тристраме слишком длинен, местами тяжеловат, и в наши дни кажется несколько устарелым» [Стерн 1922: 10]. Зато на страницах «Сентиментального путешествия» критик видит «весь европейский восемнадцатый век, со всем своеобразным ароматом его культуры, <...> век рассудочный и чувственный, остроумный и дерзкий» [Стерн 1922: 10]. В конце статьи Губер коротко упоминает об увлечении Стерном русских сентименталистов, а также об интересе Л. Н. Толстого к английскому писателю.

Несмотря на возросшее внимание к творчеству Стерна в 1920-е гг., в это время не вышло ни одного нового перевода его

сочинений, хотя необходимость нового прочтения осознавалась. Среди бумаг А. М. Аничковой — жены знаменитого историка русской литературы Е. В. Аничкова — в РГАЛИ сохранились рукописные листы с переводом «Сентиментального путешествия» [см.: РГАЛИ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 25]. Аничкова до революции была известным переводчиком русской литературы на французский язык. Свои работы она подписывала мужским псевдонимом «Иван Странник». Переведенный ею в 1910-е гг. на французский язык сборник рассказов Горького пользовался во Франции большим успехом и неоднократно переиздавался [см.: Лихачев, Зилитинкевич, Недялков 1997: 10].

Большинство страниц рукописи содержит обширную авторскую правку, свидетельствующую о трудностях, которые испытывала Аничкова при переводе Стерна. По смешению старой и новой орфографии, а также по датировке архива можно сделать вывод, что эта работа совершалась в первые послереволюционные годы[1]. Возможно, она предназначалась для «Всемирной литературы»; можно также предположить, что переводчица была недовольна результатом и сама отказалась от публикации[2].

Несмотря на гонения, которым подвергался литературный и литературоведческий формализм в 1930-е гг., Стерн не попал в «черный список» неугодных писателей и остался в списках классиков мировой литературы, включенных в просветительские проекты.

Изданное в 1935 г. «Библиотекой “Огонька”» «Сентиментальное путешествие» напоминает знаменитые сборники «Красоты Стерна» [см., напр.: Стерн 1801] — компиляции трогательных фрагментов, которые выходили в Европе и России в конце XVIII — начале XIX в. Малоформатная брошюра, напечатанная пятидесятитысячным тиражом для

[1] В РГАЛИ документ датирован 1920-ми гг. (перевод Аничковой «Мемуаров» Стерна, написанных для дочери). Соседняя единица в описи (Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 26) сотрудниками архива датирована 1910-ми гг., однако по чернилам и по использованной бумаге очевидно, что это части одной переводческой работы.

[2] Следов переписки с издательствами по поводу этой рукописи на данный момент обнаружить не удалось.

широкой читательской аудитории, вышла все в том же дореволюционном переводе Аверкиева в составе специально избранных глав («Узник», «Мария» и т. д.). Причем клерикальная тема была исключена полностью — в частности, вырезана важная для понимания «Сентиментального путешествия» глава «Монах», а во вводной статье не упомянуто, что Стерн был священником англиканской церкви. Для того чтобы в конце предисловия сказать о Стерне несколько верных и глубоких слов, автор предисловия (предположительно, А. Дейч) на первых страницах вынужден был назвать Стерна «буржуазным писателем», а сентиментализм, имя которому дало «Сентиментальное путешествие», определил как «умонастроение поднимавшейся буржуазии» [Аверкиев 1935: 4].

В Советском Союзе 1930-е гг. были ознаменованы целом рядом принципиальных литературных дискуссий. Одним из таких споров, как блестяще показал в своей книге «Поверженные буквалисты» А. Г. Азов, был спор о художественном переводе [см.: Азов 2013: 117—171]. Многие вопросы, поднятые в этой дискуссии, носили не только теоретический, но и практический характер, в частности вопрос о границе между точностью и адекватностью перевода оригиналу.

Одно из самых знаменитых и уважаемых издательств того времени — «Academia» — заказало перевод «Сентиментального путешествия» А. А. Франковскому, уже прославившемуся переводами французских и английских классиков. В письме в издательство (от 12 ноября 1934 г.) опытный переводчик Франковский отметил, что работа над Стерном «представляет значительные трудности» [Будрин 2015б: 176] и по этой причине просил предоставить ему максимально долгий срок.

В то время как в «Academia» готовилось новое издание Стерна[3], в Гослитиздате шла работа над переводом того же

[3] Проект вышедшего в Гослитиздате издания [Франковский 1940] начал разрабатываться в стенах «Academia» еще в 1932 г. Инициатором перевода был Горький, писавший руководителю издательства И. И. Ионову (он руководил издательством до назначения Л. Б. Каменева), что «не помешало бы» издать «Тристрам Шенди — Стерна» [Горький 1964: 77]. По изначальному проекту над переводом книги

романа, который был заказан Н. Д. Вольпин. До революции она окончила знаменитую в Москве «Хвостовскую» гимназию, потом училась на математическом факультете Московского университета, но оставила учебу, чтобы посвятить себя поэзии [подробнее о Вольпин см. в изд.: Вольпин 1993, Кузнецова 2003]. Зная несколько иностранных языков, в советское время Вольпин зарабатывала на жизнь литературными переводами: до начала работы над «Сентиментальным путешествием» неоднократно переводила сочинения английских и немецких авторов.

Став первым советским переводом «Сентиментального путешествия», перевод Вольпин вышел в 1935 г. с предисловием филолога С. Р. Бабуха, который выступил также редактором и комментатором книги.

Подробную рецензию на это издание написал для журнала «Литературный критик» философ-марксист И. Е. Верцман (позднее, в 1939 г., он защитил диссертацию о творчестве Стерна). Претензий к переводчику у рецензента не было [см.: Верцман 1936]. Но когда Гослитиздат повторно выпустил «Сентиментальное путешествие» — на этот раз с вступительной статьей Верцмана — рецензенты, хваля перевод Франковского, задним числом обрушились с критикой на Вольпин.

Сравнивая два перевода, Б. М. Эйхенбаум писал на страницах журнала «Звезда»:

> Издательство «Художественная литература» правильно сделало, что выпустило новый перевод «Сентиментального путешествия», поручив его такому опытному, культурному и талантливому переводчику, как А. Франковский. Можно сказать без всякого преувеличения, что его перевод впервые раскрывает русскому читателю все намеки и тонкий смысл стерновских рассуждений и передает всю прелесть, все изящество стерновского стиля [Эйхенбаум 1940: 315].

К. И. Чуковский, подводя в «Литературной газете» книжные итоги 1940 г., отмечал: «Сила этого перевода —

должен был работать Г. Г. Шпет. Позже по разрешению Шпета работа над «Сентиментальным путешествием» была поручена Франковскому. Арест Шпета и разгром «Academia» помешали книге выйти. Об этом см.: Будрин 2015б.

в необыкновенно изощренных тональностях речи, в пластике языка, подчиняющегося малейшим прихотям стерновской мысли, в тех капризных переходах от умиления к юмору, которые до сих пор не удавались ни одному переводчику» [Чуковский 1940: 5]. Чуковский назвал перевод Франковского «реабилитацией Стерна». Слово «реабилитация» подхватил поэт и критик П. Сторицын. Свою рецензию в журнале «Литературный современник» он назвал — «Реабилитированный Стерн». Ср.:

> Линия психологического реализма Стерна, которую продолжали, каждый по-своему, Гейне, Гоголь, Диккенс, Лев Толстой, тянется в литературу наших дней, и поэтому очень своевременно появление нового русского перевода (А. Франковского), который по своим литературным достоинствам стоит гораздо выше прежних тяжелых и неудобочитаемых переводов Д. Аверкиева (дореволюционный перевод) и Надежды Вольпин (1935), не умевших передать живого и остроумного языка Стерна [Сторицын 1940: 149].

Поэт С. П. Бобров[4], будучи переводчиком в основном с французского языка, отметил, что переводы Марселя Пруста, выполненные ранее Франковским, являются лучшими из существующих, но при этом «его язык несколько тяжел, несколько неповоротлив, он углубляет психологические оттенки, усиляет контрасты. <…> Пруст под его пером гораздо более мрачен, гораздо более неподвижен, он теряет что-то от своего изящества» [Будрин 2015а: 278]. Те же недостатки видит Бобров и в переводе Франковским «Сентиментального путешествия».

Объем данной статьи не позволяет нам провести всестороннее сравнение двух переводов Стерна, выполненных в 1930-е гг. двумя высокообразованными переводчиками, поэтому мы уделим внимание лишь отдельным стилевым трудностям и попыткам нахождения адекватных решений, а также попытаемся восстановить процесс редакторской работы над переводами.

Бабух (знаток английского языка, автор многих статей об английских писателях в Литературной энциклопедии) писал в предисловии к книге:

[4] Эта рецензия не была опубликована. О ней см.: Будрин 2015а.

Вполне эквивалентно передать Стерна на другом языке, со всеми тонкими особенностями его стилистики, — разумеется, невозможно. С исключительным мастерством использованы у него слова не только в непосредственном их значении, но и во всех возможных ассоциациях, которые они могут вызывать, — ассоциациях смысловых, звуковых, интонационных и образных; слово им использовано даже в его многообразном графическом значении. В работе над данным переводом переводчик стремился с возможной точностью и остротой передать хотя бы первый прямой смысл, вложенный Стерном в свои слова и образы. Не везде возможной оказалась передача стерновского синтаксиса. Особенности построения фразы у Стерна таковы, что редко можно понять фразу, пока не прочтешь ее до конца, в отдельных же своих частях она часто вызывает недоумение читателя; кажется, что тут логическая, либо грамматическая неувязка, погрешность против элементарных правил синтаксиса, но недоумение разрешается в конце довольно сложной фразы, зачастую и через несколько фраз, иногда же через несколько страниц или даже глав. <...> Славящаяся своей гибкостью английская этимология для него недостаточна, и он постоянно стремится создать «невозможное» словосочетание и нередко буквально «заумные» слова. Все это вместе взятое создало большую трудность перевода особенностей языка Стерна. Если переводчику удалось довести до читателя хотя бы основные элементы этой своеобразной и оригинальной стилистики, то задачу в какой-то степени можно считать выполненной [Вольпин 1935: 18—19].

В фонде Гослитиздата в РГАЛИ хранятся наборные экземпляры двух книг: Вольпин [РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7823] и Франковского [РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7824]. В обоих присутствует обширная редакторская и переводческая правка, по которой можно проследить, как менялся образ будущих изданий.

Одной из ярких особенностей издания 1935 г. является большое число иноязычных вкраплений: переводы французских слов и выражений, с которыми Стерн иронически играет, вынесены в сноски. Даже понятные в России слова, которые можно было бы написать кириллицей, даны в издании 1935 г. по-французски (например, grisette («гризетка») [Вольпин 1935: 72]). Большую трудность вызвало при редактировании слово «дезоближан». Само по себе это слово для читателей, знающих французский язык, звучит комично, т. к. означает одноместную коляску, но при этом буквально переводится как «неприветливый», «грубый». Франковский дал его в русском написании и снабдил

справкой из словаря конца XVIII в.[5] Вольпин сначала использовала русскую транскрипцию, потом заменила ее словом «карета», затем словом «коляска» [РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7823: 12]. В итоге все эти варианты были ею вычеркнуты и вставлено оригинальное французское написание. Ту же стратегию она использовала далее во всех спорных случаях: если игру слов перевести невозможно, она помещалась в сноску; идиоматические выражения также выносились в комментарий.

Этот подход к переводу привел к появлению целого ряда погрешностей. На одно из них в вышеупомянутой журнальной рецензии обратил внимание Сторицын. Для примера им взята фраза из письма Стерна к знаменитому лондонскому актеру Дэвиду Гаррику:

> Перевод Вольпин: «— Powel! Благие небеса! Дайте мне кого-нибудь, кто давал бы меньше дыма и больше огня!». К восклицанию (— Powel!) идет сноска, в которой высказано предположение: «Вместо “Powers of Devil” — ? (силы дьявола)» [Вольпин 1935: 220].

В переводе Франковского совсем другой комментарий: «Пауэл, Вильям (1735—1769) — актер театра Друри-Лейн, выступавший в ролях Гаррика во время его отсутствия» [Франковский 1940: 369].

Сторицын справедливо указывает, что решение Вольпин «анекдотично» [Сторицын 1940: 150], хотя в данном случае, возможно, не следует винить переводчицу, т. к. в наборном экземпляре книги, хранящемся в архиве, эта пометка сделана синими чернилами и является, скорее всего, вопросом к редактору [см.: РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7823: 190]. Кроме того, Вольпин и автор комментариев Бабух использовали более раннее, чем то, которым располагал Франковский[6], издание Стерна. По совету

[5] «Прилагательное désobligeant значит нелюбезный, причиняющий неприятности. «Дезоближан» как название экипажа в соответствии с французским la désobligeant употреблялось и в России в XVIII в. (см. словарь Татищева)» [Франковский 1940: 352—353].

[6] В качестве источника для перевода в издании 1935 г. указано собрание сочинений, подготовленное профессором Джорджем Сейнтсбери (1894) [см.: Вольпин 1935: 242].

Шпета, Франковский переводил с научного издания, подготовленного знаменитым биографом Стерна Уилбором Кроссом[7].

Признаки спешки при редактировании есть и в других местах наборного экземпляра издания 1935 г. Например, в главе «Монах. Кале» описывается трость монаха: «<...> he stood still; and laying his left hand upon his breast (a slender white staff with which he journey'd being in his right)» [Sterne 2002: 8].

У Вольпин изначально было: «<...> в правой держал он стройный белый посох» [РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7823: 4].

Прилагательное «стройный» переводчица меняет сначала на «жидкий», затем на «тонкий», а после и вовсе вычеркивает прилагательное, а сам «посох» переделывает в «посошок» [РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7823: 4]. Примеры такой правки встречаются неоднократно.

Помня замечание Бабуха о синтаксисе Стерна, следует отметить, что большой процент синтаксических поправок в издании 1935 г. составляют попытки редактора приблизить текст к подлиннику заменой точек на характерные стерновские тире.

В фонде Гослитиздата в РГАЛИ перевод Франковского ошибочно обозначен как «перевод Андреева». Дело в том, что на первой странице рукописи основного текста романа (первые листы дела — примечания с правкой) видна карандашная подпись «Андреев» [РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7824: 58] (вероятно, наборщика), а имя Франковского вычеркнуто из макета (оно находилось ниже заглавия).

При знакомстве с машинописью (судя по штампу на первом листе, текст этот был впервые вычитан 20 октября 1937 г. еще

[7] Шпет писал в редакцию «Academia»: «Для перевода советую воспользоваться превосходным изданием Кросса (Prof. Wilbur L. Cross. New-York. 1926) и просто перевести весь том <...>» [Шпет 2012: 268]. Франковский не до конца последовал этим рекомендациям: он пользовался не изданным отдельным томом «Сентиментального путешествия» 1926 г., а полным собранием сочинений профессора Кросса, выпущенным в 1904 г. (там был впервые напечатан «Дневник для Элизы», автобиографический документ, о жанровой природе которого до сих пор идут споры), а также оксфордским собранием, воспроизводящим синтаксис и формат прижизненных изданий Стерна [Франковский 1940: 378—379]. Для библиографической справки об англоязычных изданиях Стерна см.: Hartley 1966.

в «Academia» [РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7824: 1]) становится ясно, что многое в тексте было изменено самим переводчиком с целью сократить количество буквальных совпадений с недавно опубликованным переводом Вольпин. Тем не менее при сравнении двух переводов таких совпадений оказывается немало. Приведем для примера отрывки из двух первых глав. Текстуальные сходства выделены жирным:

Глава 1. Оригинал:

— **They order, said I,** this matter **better in France.**

— **You have been in France? said my gentleman,** turning quick upon me, with the most civil triumph in the world. — **Strange!** quoth I, debating the matter with myself, **That one and twenty miles sailing,** for **'tis absolutely no further from Dover to Calais,** should **give a man these rights:** — I'll look into them: so, giving up the argument, — I went straight to my lodgings, **put up half a dozen shirts and a black pair of silk breeches, — «the coat I have on,»** said I, looking at the sleeve, «**will do;**» **— took a place in the Dover stage; and the packet sailing at nine** the next morning, — by three I had got sat down to my dinner upon a fricaseed chicken, **so** incontestably **in France,** that had **I died that night** of an indigestion, the whole world could not have **suspended the effects of the droits d'aubaine; — my shirts, and black pair of silk breeches, — portmanteau and all,** must have gone to the King of France; — even the **little picture** which **I have so long worn,** and so often have told thee, Eliza, **I would carry with me into my grave,** would have been torn from my neck! (здесь и далее выделение наше. — *П. Б.*) [Sterne 2002: 3–4].

Перевод Вольпин:

— **Во Франции, — сказал я,** — это дело поставлено **лучше.**

— **А вы были во Франции? — спросил** джентльмен, **мой собеседник,** быстро ко мне повернувшись с умильнейшей в мире язвительностью... — Не **странно** ли, — молвил я, обсуждая вопрос с самим собой, — **что двадцать одна миля** морского пути, ибо **от Дувра до Кале никак не дальше,** — дает **человеку такие права:** — Проверю: итак, оставив спор, я пошел прямо к себе на квартиру, **уложил полдюжины рубашек** и одну **пару черных шелковых штанов; — «Кафтан,** что на мне», — сказал я, осмотрев рукав, — «еще **сойдет»,** — занял место **в дуврской почтовой карете;** и на другой день, **так как пакетбот** отходил в девять утра, — я в три часа пополудни уже ел за обедом фрикассе из цыплят и был **столь** бесспорно **во Франции,** что, **умри я в ту ночь** от несварения желудка, никакие силы в мире не могли бы **приостановить действие droits**

d'aubaine; — мои рубашки, пара черных шелковых штанов, чемодан и прочее отошли бы к французскому королю: — **даже** маленький **портрет,** который я из**давна ношу** на шее, столь часто уверяя тебя, Элиза, что унесу его **с собой в могилу,** даже он был бы сорван с мой груди! [Вольпин 1935: 21—22].

Перевод Франковского:

— **Во Франции,** — **сказал я,** — это устроено **лучше.**

— **А вы бы**вали **во Франции?** — **спросил мой собеседник,** быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. — **«Странно,** — сказал я себе, размышляя на эту тему, — **что двадцать одна миля** пути на корабле, — **ведь от Дувра до Кале никак не дальше,** — способна дать **человеку такие права.** — Надо будет самому удостовериться». — Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, **уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. — Кафтан,** — сказал я, взглянув на рукав, — и этот **сойдет,** — взял место **в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот** отошел на следующий день в девять утра, — в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикассе из цыплят и был **столь** неоспоримо **во Франции,** что, **умри я в эту ночь** от расстройства желудка, весь мир не мог бы **приостановить действие Droits d'aubaine; мои рубашки и черные шелковые штаны — чемодан и все прочее** — достались бы французскому королю, — **даже** миниатюрный **портрет,** который я так **давно ношу** и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести **с собой в могилу,** даже его сорвали бы с моей шеи… [Франковский 1940: 3].

Глава 2. Оригинал:

When I had finished my dinner, and drank the King of France's health, to satisfy my mind that I bore him no spleen, but, on the contrary, high honour for **the humanity of his temper,** — I rose up an inch taller for the accommodation.

— No — said I — the Bourbon is **by no means a cruel race:** they may be misled, like other people; but there is a mildness in their blood [Sterne 2002: 5].

Перевод Вольпин:

Пообедав и выпив за здоровье французского короля, дабы заверить самого себя, что я не питаю на него злобы, а, напротив, высоко **чту его гуманный нрав,** — я встал из-за стола и вследствие примирения вырос на целый дюйм.

— Нет, — сказал я, — Бурбоны отнюдь не **жестокий народ:** они могут поддаваться обольщению, как и другие люди, но им присуща кротость… [Вольпин 1935: 23].

Перевод Франковского:

Пообедав и выпив за здоровье французского короля, чтобы убедить себя, что я не питаю к нему никакой неприязни, а, напротив, высоко **чту его за человеколюбие,** — я почувствовал себя выросшим на целый дюйм благодаря этому примирению.

— Нет, — сказал я, — Бурбоны совсем не **жестоки;** они могут заблуждаться, подобно другим людям, но в их крови есть нечто кроткое… [Франковский 1940: 5].

Изданное в 1940 г. «Сентиментальное путешествие» в переводе Франковского, кроме основного текста, содержит подборки писем, неоконченный «Дневник для Элизы» и автобиографию Стерна, написанную им для дочери незадолго до смерти. Кроме того, Франковским был составлен обширный литературоведческий комментарий с экскурсами не только в английскую, но и в русскую культуру XVIII в. Редактор пытался сократить значительную часть этого комментария, но поправки к комментарию Франковского были отменены, зато стилевая редакторская правка в большинстве случаев сохранена[8].

Интересно, что Франковский первоначально дал своему переводу заглавие «Чувствительное путешествие». Именно так название романа переводили в России на рубеже XVIII—XIX вв. В редакторской правке «чувствительное» заменено на «сентиментальное» не только в заглавии, но и в тексте комментария [РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7824: 1]. Не исключено, что вернуть названию «карамзинское» звучание Франковский решил из практических соображений: чтобы разойтись с переводом Вольпин. Во вступлении к комментарию Франковский пишет:

[8] Редакторская правка носит иногда этический характер. Это касается, например, следующего фрагмента: «The Count led the discourse: we talk'd of indifferent things, — of books, and politics, and men; — and then of women. — God bless them all! said I, after much discourse about them» [Sterne 2002: 110] Франковский перевел его так: «Граф направлял разговор; мы толковали о безразличных вещах — о книгах и политике, о людях — а потом о женщинах. — Бог да благословит их всех! — произнес я, после того, как мы долго о них говорили». Редактор сделал пометку жирным красным карандашом: «Получается, что женщины не люди» [РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7824: 170].

Стерн объявляет себя путешественником чувствительным, то есть таким, который ищет и находит только такие предметы и явления, которые возбуждают и поддерживают в нем ряд приязненных чувств. По его словам, он предпринял «скромное путешествие сердца в поисках за *Природой* и теми приязненными чувствами, что ею порождаются и побуждают нас любить друг друга — а также мир — больше, чем мы любим теперь». В этой фразе достаточно полно раскрывается позиция Стерна: необходимо отрешиться от всяческих условностей и искусственности, искать естественного и предметов, способных возбудить в нас симпатию и добрые чувства, с помощью которых мы преодолеваем свою обособленность и становимся частью человеческого коллектива. В этом и заключается сущность стерновского сентиментализма. <...> Слово «сентиментальный» в упомянутом смысле впервые встречается в одном из писем Стерна к будущей жене в 1740 году, а после выхода «Сентиментального путешествия» оно вошло в общее употребление как в Англии, так и во Франции <...> У нас в России в конце XVIII и начале XIX века говорили в этом случае «чувствительный»; выражение «чувствительный» мы находим у Радищева, находившегося под большим влиянием Стерна [Франковский 1940: 291].

Впрочем, некоторые тонкие детали и тайны романа Стерна не были учтены обоими переводчиками. Например, в названии романа «A Sentimental Journey» Стерн поставил неопределенный артикль, обладающий снижающим эффектом («Некое сентиментальное путешествие»). В русском языке артикли не используются, и этот оттенок смысла никогда не комментировался исследователями. Французские же переводчики, в свою очередь, внесли свою поправку: в XVIII в. они уверенно ставили в названии определенный артикль — «Le voyage sentimentale», а в XIX и XX вв. в многочисленных изданиях и вовсе убрали артикль — «Voyage sentimentale». Французская грамматика позволяет в названиях опускать артикль, а английская — нет[9].

В отличие от названия, внимание исследователей привлекает первая фраза романа.

Оригинал: «They order, said I, ***this matter*** better in France» [Sterne 2002: 3].

[9] «Исходной предпосылкой понимания романа “Сентиментальное путешествие…” является его заглавие. В момент выхода романа из печати оно понималось как “высоконравственное, связанное с проявлением освещенных разумом чувств путешествие”, то есть фоном, на котором воспринимается текст романа, было представление о “нравственном человеке” — одном из идеалов эпохи Просвещения» [Салиева 1992: 23].

Перевод Вольпин: «Во Франции, — сказал я, — ***это дело поставлено*** лучше» [Вольпин 1935: 21].

Перевод Франковского: «Во Франции, — сказал я, — ***это устроено*** лучше» [Франковский 1940: 3].

Грамматика этой фразы несет некую двусмысленность и до сих пор является загадкой для читателей и исследователей. Так, например, французский филолог Фредерик Оже в статье «“Эта материя”? “Лучше во Франции”?» («This matter»? «Better in France»?) [см.: Ogée 1986] пытается найти в романе Стерна ответ на вопрос, что же, собственно, во Франции лучше, чем в Англии. Другой исследователь, Мартин Баттестин, в статье «Стерн и философы» («Sterne and the Philosophes») [см.: Battestin 1994] пишет, что слово *matter* («материя») в этой фразе намекает на скрытую полемику Стерна с французскими материалистами.

Возвращаясь к специфике синтаксиса и пунктуации в «Сентиментальном путешествии», нельзя не заметить, что первая глава романа состоит всего из двух предложений. Первое мы процитировали выше. Второе (оно также приведено выше) описывает множество действий героя. Начав беседу с неизвестным джентльменом о неизвестном предмете, он остро реагирует на вопрос своего собеседника, стремительно возвращается домой, собирает вещи в дорогу, заказывает карету в Дувр и на следующий день оказывается в Кале, в гостинице за обедом, размышляя о странностях французского законодательства и ругая французского короля. Стремительность перемещения героя из Англии во Францию поначалу заставляет думать, что перед нами путешественник, который невероятно спешит, не замечая дороги[10]. Однако, оказавшись в Кале (все в той же длинной фразе), он благодушно размышляет о разных вещах, сидя за фрикасе из цыпленка и попивая бургундское, а также

[10] Стремительность первой фразы можно сравнить с путешествием другого героя Стерна во Францию в т. 7 романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». Герой, убегающий от смерти, попав на корабль, страдает от качки и действие замедляется.

упоминает имя Элизы, то есть Элизы Дрейпер — женщины, в которую в то время Стерн был влюблен.

Намерение Вольпин не дробить длинную, но ритмически гармонизированную фразу Стерна на отдельные предложения в итоге создает впечатление нервного, неровного текста. Франковский же заменяет точки с запятой полноценными точками, нарушив этим стратегию единой фразы, но сохраняя сочетание гармонической плавности со стремительностью действия.

Мысль о французском короле, прозвучавшая в первой главе, развивается затем в следующих главах. После съеденного обеда и выпитой бутылки вина герой романа, Йорик, размышляет о том, что жестокость французских законов должно смягчать великодушие французских королевских особ. В это время к нему в комнату входит нищий монах с просьбой о пожертвовании.

Оригинал: «No man cares to have his virtues the sport of contingencies — or one man may be generous, as another is puissant» [Sterne 2002: 7].

Перевод Вольпин: «**Никому не охота** превращать **свою добродетель в игрушку случая** — один человек может быть великодушен, другой **могущественен**» [Вольпин 1935: 22].

Перевод Франковского: «**Никому** из нас **не хочется** обращать **свои добродетели в игрушку случая** — щедры ли мы, как другие бывают **могущественны**» [Франковский 1940: 6].

В данном случае следует признать, что оба переводчика не сделали акцента на том, что эпитет *puissant* в английском языке применяется, как правило, только к королям[11]. У Стерна эта фраза означает: человек может быть щедрым, как другой (то есть король) является могущественным.

На что намекает Стерн? Что щедрость равна королевскому могуществу, но может быть в любой момент утрачена, как и власть?

В 1992 г. исследовательницей Л. К. Салиевой была защищена диссертация «Метод историко-стилистического анализа

[11] Выражаю благодарность американскому лингвисту М. Суботину за комментарий. См. также: Merriam-Webster.

переводных текстов (на материале переводов на русский язык романа Л. Стерна “Сентиментальное путешествие”)». Выводы автора диссертации во многом основаны на трактовке «Сентиментального путешествия», предложенной К. Н. Атаровой, которая сделала акцент на философском «релятивизме» Стерна и (вслед за Вирджинией Вулф и западными стерноведами середины XX в.) обозначила его как предшественника литературы «потока сознания» [см.: Атарова 1988: 69—83]. Можно сказать, что выводы Салиевой также релятивны: проанализировав некоторые читательские отклики на переводы «Сентиментального путешествия» за период более двух веков, исследовательница пришла к выводу, «что каждый из переводов был адекватен своему времени» [Салиева 2004: 12]. При этом перевод Франковского «лишен эксцентричности оригинала и потому просто скучен» [Салиева 2004: 12]. «Но поскольку, — пишет Салиева, — серьезное изучение творчества Л. Стерна началось только в XX в. после освоения техники потока сознания (К. Н. Атарова), то, возможно, еще следует ожидать появления нового перевода, адекватного этим новым условиям» [Салиева 1992: 24].

Отрицающий по-своему неуязвим, трудно спорить с тем, кто считает, что лучшее — впереди. Но нельзя забывать, что литература «потока сознания», современниками которой были Вольпин и Франковский (кстати, до работы над Стерном он был прежде всего известен переводами Марселя Пруста) принадлежит классике, а не текущему дню.

Несомненно, рассмотренные переводческие стратегии Вольпин и Франковского, текстологические проблемы, которые им приходилось решать, представляют важный материал для лучшего понимания личности и творчества Стерна.

СОКРАЩЕНИЯ

Аверкиев 1935 — *Стерн Л.* Сентиментальное путешествие / Пер. Д. В. Аверкиева. М., 1935.

Азов 2013 — *Азов А. Г.* Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920—1960-е годы. М., 2013.

Атарова 1988 — *Атарова К. Н.* Лоренс Стерн и его «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии». М., 1988.

Будрин 2015а — *Будрин П. Б.* «Целая шапка ветра»: Лоренс Стерн в оценках советской критики 1930-х годов (С. П. Бобров и Е. Л. Ланн) // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 3. С. 275—291.

Будрин 2015б — *Будрин П. Б.* «Реабилитация Стерна»: Лоренс Стерн в Москве и Ленинграде 1932—1941 гг. (Из истории одного издательского проекта) // Русская филология. 26: сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2015. С. 171—182.

Верцман 1936 — *Верцман И. Е.* «Сентиментальное путешествие»// Литературный критик. 1936. № 10. С. 35–39.

Вольпин 1935 — *Стерн Л.* Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Пер. Н. Д. Вольпин. М., 1935.

Вольпин 1993 — *Вольпин Н. Д.* Блудный сын. 1923—1925. Воспоминания о Сергее Есенине // Минувшее: Исторический альманах. СПб.; М., 1993. Т. 12. С. 189—215.

Горький 1964 — Архив А. М. Горького: В 16 т. М., 1964. Т. 10. Кн. 1.

Кузнецова 2003 — *Кузнецова Л.* С теплотой, любовью, признательностью // Вестник Online. 2003. № 5. URL: http://www.vestnik.com/issues/2003/0305/win/kuznetsova.htm (дата обращения: 01.04.2015).

Лихачев, Зилитинкевич, Недялков 1997 — *Лихачев Д. С., Зилитинкевич С. С., Недялков В. П.* И. Е. Аничков. Биографический очерк. // Аничков И. Е. Труды по языкознанию. СПб., 1997. С. 10.

Немировский, Харламов 1983 — *Немировский Е. Л., Харламов В. И.* История книги в СССР, 1917—1924. М., 1983.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

Салиева 1992 — *Салиева Л. К.* Метод историко-стилистического анализа переводных текстов (на материале переводов

на русский язык романа Л. Стерна «Сентиментальное путешествие»): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1992.

Салиева 2004 — *Салиева Л. К.* Текст перевода как индикатор исторического стиля словесности на языке перевода // Проблемы изучения языка, речи и культуры. 2004. С. 1—13. URL: http://istina.msu.ru/media/publications/article/321/a86/4488810/_2_doc.pdf (дата обращения: 09.01.2016).

Стерн 1801 — Красоты Стерна или собрание лучших его патетических повестей и отличнейших замечаний на жизнь для чувствительных сердец. М., 1801.

Стерн 1922 — *Стерн Л.* Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. Пг., 1922.

Сторицын 1940 — *Сторицын П.* Реабилитированный Стерн // Литературный современник. 1940. № 12. С. 148—152.

Франковский 1940 — *Стерн Л.* Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Пер. А. Франковского. М., 1940.

Чуковский 1940 — *Чуковский К. И.* Незаметные // Литературная газета. 1940. № 63. С. 5.

Шпет 2012 — *Шпет Г. Г.* Философ в культуре. Документы и письма. М., 2012.

Эйхенбаум 1940 — *Эйхенбаум Б. М.* Рец. на: Стерн Л. Сентиментальное путешествие. Воспоминания. Письма. Дневник // Звезда. 1940. № 8—9. С. 315—316.

Battestin 1994 — *Battestin M. C.* Sterne Among the Philosophes: Body and Soul in A Sentimental Journey // Eighteenth-Century Fiction. Toronto, 1994. № 7. С. 17—36.

Hartley 1966 — *Hartley L.* Laurence Sterne in the Twentieth Century. Chapel Hil: University of North Carolina Press, 1966.

Merriam-Webster — Merriam-Webster Dictionary. URL: http://www.merriam-webster.com/dictionary/puissant (дата обращения: 02.03.2015).

Ogée 1986 — *Ogée F.* «This matter»? «Better in France»? Laurence Sterne et le voyage sentimental // Le continent européen et le monde anglo-américain aux XVIIe et XVIIIe siècles. Actes du Colloque — Société d'études anglo-américaines des 17e et 18e siècles. Reims, 1986. P. 5—15.

Pickford 2007 — *Pickford S.* Between Version and Traduction: Sterne's Sentimental Journey in Mid-Nineteenth-Century France // Translation and Literature. Vol. 16. P. 1. Spring, 2007. P. 53—65.

Sterne 2002 — *Sterne L.* A Sentimental journey through France and Italy; and Continuation of Bramine's Journal: the text and notes/ edited by Melvin New and W.G. Day. Florida, 2002.